

Н. Ф. БУДАНОВА *

**«ЧТОБЫ НЕ УМИРАЛА ВЕЛИКАЯ МЫСЛЬ»
(«СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»)**

Ключевые слова: «Сон смешного человека», утопия и антиутопия, подпольный человек, «подполье», «Золотой век», религиозно-этический идеал, Иисус Христос, христианское братство, Дон Кихот, юродивый.

В статье предпринята попытка выявить «христианский дух» рассказа Достоевского «Сон смешного человека» в контексте творчества писателя 1860–1870-х гг., других произведений, в которых формируется идеал христианского братства. Особое внимание уделено критике тенденции радикального пересмотра образа Смешного человека, возведения его в ранг «нового Христа», лже-Христа или Антихриста.

«Фантастический рассказ» «Сон смешного человека» (1877) принадлежит к числу наиболее сложных и даже загадочных произведений Достоевского, не поддающихся однозначному толкованию. В последние годы интерес исследователей к этому рассказу значительно усилился¹.

По точному наблюдению М.М. Бахтина, «поражает предельный универсализм этого произведения и одновременно его предельная же сжатость, изумительный художественно-философский лаконизм <...> По своей тематике “Сон смешного человека” — почти полная энциклопедия ведущих тем Достоевского»². По мнению ученого, в рассказе «доминирует в жанровом отношении античный тип меннипеи. И вообще в “Сне смешного человека” господствует не христианский, а античный дух»³.

В статье предпринята попытка выявить «христианский дух» рассказа Достоевского на основании его изучения в широком контексте творчества писателя. Особое внимание уделяется анализу подтекста этого произведения.

Самой большой загадкой среди других загадок рассказа является образ главного героя (в том числе эпитет «смешной»), а также

* Нина Федотовна Буданова, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, член редакционной коллегии Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского в 35 т. — troftat@yandex.ru.

¹ См. подробную библиографию работ в статье: *Степанян К. А.* Загадки «Сна смешного человека» // Достоевский и мировая культура. СПб., 2014. № 32. С. 63–83.

² *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972. С. 254, 256.

³ Там же. С. 255.

связанное с его интерпретацией понимание общего религиозно-философского смысла произведения.

В настоящее время существуют самые разнообразные, нередко противоположные интерпретации этого образа. Приведу примеры.

Позитивный ряд: чудак, Дон-Кихот, пророк, проповедник, блаженный, юродивый.

Негативный ряд: сатана, Люцифер, антихрист, криптоантихрист, лже-Христос, «новый Христос».

Разумеется, ученые имеют право на собственное понимание и интерпретацию художественного образа. Однако существенно другое: насколько новые интерпретации соответствуют творческому замыслу писателя и его мировоззрению?

В последнее время наметилась тенденция радикального пересмотра ранее традиционно сочувственной оценки образа Смешного человека, возведения его в ранг «нового Христа», лже-Христа, т. е. антихриста, якобы претендующего на роль Спасителя⁴.

В интерпретации В. Н. Катасонова Смешной человек предстает как «криптоантихрист», т. е. тайный, скрытый антихрист, возомнивший себя «новым Христом». «На место Спасителя, — пишет ученый, — претендует сам человек, со всеми своими грехами и несовершенствами. В плане же традиционной богословской номинации последнее есть путь антихриста... Нельзя сказать, что Достоевский сам однозначно принимает в рассказе этот антихристов путь спасения. Это во сне его герой, получивший инициацию в аду, рвется искупить человечество на кресте. Проснувшись, он уже отказывается от таких радикальных и соблазнительных путей и идет, со смирением, проповедовать любовь между людьми»⁵. В целом рассказ Достоевского, по мнению автора статьи, оставляет впечатление некоторой двусмысленности и тайны. В самом же писателе В. Н. Катасонов отмечает наличие конфликта между художником и мыслителем, не сумевшим до конца преодолеть свое юношеское увлечение французским утопическим социализмом.

Полагаю, что суровый приговор, вынесенный некоторыми учеными Смешному человеку, и возведение его в ранг антихриста базируется в основном на двух существенных свидетельствах героя:

1. Признании, что именно он явился причиной грехопадения обитателей безгрешной планеты.

2. Готовности Смешного человека претерпеть за совершённый грех крестные муки.

⁴ См., напр.: *Евлампиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского. СПб., 2012. С. 476–490; *Катасонов В. Н.* Религиозные аспекты рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // *Достоевский и мировая культура*. М., 2013. № 30₁. С. 191–216; *Степанян К. А.* Загадки «Сна смешного человека» // Там же. СПб., 2014. № 32. С. 63–83.

⁵ *Катасонов В. Н.* Религиозные аспекты рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека». С. 214.

Обращусь к этим важнейшим для понимания образа героя и общего смысла рассказа моментам сюжетного повествования.

1

Смешной человек признается: «Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех! <...> Знаю только, что причиною грехопадения был я. Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую и безгрешную до меня землю» (25, 115). Подобное признание, если понимать его буквально, производит на читателя неизгладимое впечатление. Значит, герой этот обладает невероятной, поистине дьявольской (или антихристовой) силой. Однако фантастическое имеет свои художественные законы. Поэтому уместно вспомнить об утопии, аллегории и символике.

Не исключено, что в пророческом сне героя, перевернувшем всю его жизнь, в аллегорической форме изображена история развития человечества от первобытного языческого братства («золотой век») до современной буржуазной цивилизации (к последней Смешной человек и его создатель относятся резко отрицательно). В перспективе же — идеал христианского братства, о котором Достоевский размышлял с начала 1860-х гг. («Зимние заметки о летних впечатлениях») и до Пушкинской речи (1880).

Черновой набросок неосуществленной статьи Достоевского «Социализм и христианство» (1863–1864), содержащий глубокие размышления писателя об исторических судьбах человечества, на мой взгляд, может служить своеобразным автокомментарием к «Сну смешного человека».

Достоевский выделяет в этой статье три эпохи в истории развития человечества:

1. Первобытные патриархальные общины. Человек в них жил «массами», «непосредственно», подчиняясь высшему авторитету. Сознание и личное индивидуальное начало в этот период были развиты слабо.

2. Период цивилизации. Это сложный, исполненный противоречий переходный период в истории человечества (к нему писатель относил и современную ему действительность). Для цивилизации характерны «развитие личного сознания и отрицание непосредственных идей и законов (авторитетных, патриархальных законов масс) <...> Это состояние, то есть распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное. Потеря живой идеи о Боге тому свидетельствует. Второе свидетельство, что это есть болезнь, есть то, что человек в этом состоянии чувствует себя плохо, тоскует, теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений и всё сознает» (20, 191–192). Нетрудно заметить, что приведенная здесь характеристика «развитой личности» вполне приложима к подпольному парадоксалисту и Смешному человеку. По существу, это их портрет.

В финале человеческой истории, как мечтал писатель, должно родиться христианское братство, идеал которого был указан Христом. «Человек возвращается в массу, в непосредственную жизнь, след[овательно], в естественное состояние, но как? Не авторитетно, а, напротив, в высшей степени самостоятельно» (20, 192).

«В чем идеал? — вопрошает Достоевский, безусловно, ориентируясь на личность и подвиг Христа. — Достигнуть полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое я — и отдать это всё самовольно для всех» (20, 192)⁶.

Известно, что молодой Достоевский испытал влияние утопического социализма. В «Дневнике писателя» за 1873 г. (главка «Одна из современных фальшей») он подробно рассказывает о «перерождении» своих убеждений. Писатель вспоминает: «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе <...> Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации» (21, 130). Характерно, что писатель различает социализм утопический («теоретический», «мечтательный») и политический (революционный, атеистический) и не исключает возможности перерождения первого во второй. Утопический социализм Достоевский квалифицирует в этой главке как «мечтательный бред, <...> готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его» (21, 131). Следует отметить, что для писателя был неприемлем регламентированный, принудительный характер проектов идеального общественного переустройства, предлагаемых утопистами (вспомним сатирические образы «хрустального дворца», «курятника», «муравейника»)⁷.

Вернемся к рассказу Достоевского. В пользу аллегорического толкования сна Смешного человека свидетельствует, на мой взгляд, следующая фраза героя: «Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого» (25, 115). В данном случае речь может идти о периоде, не ограниченном временем и пространством. Не исключено, что образ Смешного человека носит обобщенный, собирательный характер, символизируя грешное человечество, отпавшее от Бога⁸.

⁶ Близкие идеи писатель развивает в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), где впервые возникает образ христианского братства, а также в записи от 16 апреля 1864 г. по поводу смерти М. Д. Достоевской «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?», сделанной в записной тетради (20, 172).

⁷ См. также: Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...» К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012. О влиянии утопий А. Сен-Симона, Ш. Фурье, В. Консидерана на изображение «золотого века» в рассказе Достоевского см. 25, 402–403 (комментарий В. А. Туниманова).

⁸ По мнению К. Мочульского, история грехопадения «изображена символически, как грех “смешного человека”» (Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 500).

Однако возможно и другое толкование признания Смешного человека. Оно связано с характерной для мировоззрения и творчества позднего Достоевского идеей всеобщей вины и ответственности каждого за всё происходящее в мире. Каждый за «всех и вся *и за всё*» в ответе и потому несет часть общей вины и ответственности за зло и страдания, царящие в мире.

Вспомним слова Христа в Евангелии: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф. 18: 7). Ср.: «Сказал также *Иисус* ученикам Своим: невозможно не придти соблазнам, но горе тому, чрез кого они приходят» (Лк. 17: 1). В этих суждениях Христа подчеркнута мысль об индивидуальной ответственности человека.

Подобную индивидуальную ответственность Смешной человек, вероятно, признаёт. Человек, пришедший из грешного мира в мир безгрешный (имеется в виду фантастический сон героя), является, сознательно или бессознательно, потенциальным носителем соблазна и зла. Очевидно, таковым герой себя и ощущает. Соблазн, внесенный им на планету Солнца, герой уподобляет чуме, заразной болезни, эпидемии. Образуется нечто вроде цепной реакции (ср. финал «Преступления и наказания»).

Не исключено, что толчком к осознанию Смешным человеком своей вины явился резкий контраст между сном о «золотом веке» человечества, воспринятым им как явь, как доказательство реальной возможности земного рая, и той унылой действительностью, которая предстала ему после пробуждения⁹.

2

Наиболее трудным для толкования является предложение Смешного человека, обращенное к обитателям развращенной им планеты, распять его на кресте. Это дает основание некоторым ученым усмотреть в нем лже-Христа, «нового Христа», т. е. антихриста.

Спаситель, будучи сам безгрешным, искупил на кресте грехи человечества. Поэтому в христианской религии крест является святыней

⁹ Изображение «золотого века», земного рая встречается у Достоевского в 1870-х гг. трижды, образуя своеобразный триптих: в «Бесах» (глава «У Тихона»), «Подростке» (исповедь Версилова) и в «Сне смешного человека». Эти словесные картины были навеяны поразившей Достоевского работой французского художника-пейзажиста Клода Лоррена (1600–1682) «Асис и Галатеея», хранящейся в Дрезденской галерее. Сны о «золотом веке» человечества оказывают на героев, их видевших, столь сильное эмоциональное воздействие, что нередко являются поворотным моментом в их судьбе. Вспомним главу «У Тихона» в «Бесах». Именно после сна о безгрешной и счастливой земле, приснившегося Ставрогину, а затем, после пробуждения — и по контрасту, — видения погубленной им Матрешы, грозящей насильнику маленьким детским кулачком, он предпринимает попытку покаяния у архиерея Тихона, к сожалению, оказавшуюся безрезультатной.

и символом спасения. Однако в Римской империи крест служил орудием позорной и мучительной казни. Евангелие от Иоанна свидетельствует, что Иисус Христос Сам нес крест к месту казни (Ин. 19: 17).

Крест неоднократно упоминается в Евангелиях Самим Христом, вкладывавшим в это понятие конкретное содержание. Под «несением креста» подразумевается сознательный выбор трудного жертвенного жизненного пути, связанного с лишениями, страданиями, гонениями, самоотвержением. Таков был путь учеников и последователей Спасителя: «...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16: 24); ср.: «...кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк. 14: 27)¹⁰.

Выражение «нести свой крест», восходящее к Новому Завету, получило в России широкое распространение среди верующих и неверующих. Оно означает: терпеливо и со смирением переносить выпавшие на долю человека жизненные испытания, болезни, страдания, лишения.

Смешной человек готов принять позорную и мучительную смерть на кресте, добровольно пройти путь страдания, чтобы *искупить свой собственный грех, а вовсе не грехи человечества*. В его словах трудно усмотреть кощунственное притязание на роль Спасителя мира. Скорее, это вопль отчаяния раскаявшегося грешника. Отмечу попутно, что мотив добровольно принятых на себя героем страданий во искупление грехов весьма устойчив в творчестве Достоевского 1860–1870-х гг.

Герой рассказа — молодой человек с университетским образованием. Чем же смешон этот загадочный Смешной человек?¹¹ В начале рассказа — своей неотмирностью, странностью непохожестью на окружающих. Он глубоко равнодушен ко всему тому, что их занимает, что заполняет их жизнь (ему «всё всё равно»). В нем живет смутная потребность высшего идеала, еще не сформулированного и не найденного в жизни. Отмечу, что подобную потребность ощущает также подпольный человек, который мечтает о таком идеале «хрустального здания», которому не хотелось бы «язык выставить». В конце рассказа Смешной человек вызывает насмешки окружающих уже как юродивый (едва ли не сумасшедший) своей проповедью любви и братства на земле. В отличие от подпольного героя он нашел выход из «подполья» к «живой жизни».

¹⁰ См. также: Николаюк Н. Библейское слово в нашей жизни. СПб., 1989. С. 287–288.

¹¹ Отмечу многозначность слова у Достоевского. В данном случае это относится и к эпитету «смешной». В предисловии к роману «Братья Карамазовы» Достоевский следующим образом характеризует своего героя Алексея Федоровича: «...это человек странный, даже чудак. Но странность и чудачество скорее вредят, чем дают право на внимание (особенно когда все стремятся к тому, чтоб объединить частности и найти хоть какой-нибудь общий толк во всей бестолочи). Чудак же в большинстве случаев частность и обособление». Однако, добавляет писатель, не всегда «частность и обособление», а «напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого...» (14, 5). Эту характеристику, на мой взгляд, вполне можно отнести и к Смешному человеку.

Достоевский был чрезвычайно озабочен участившимися в России в 1870-х гг. случаями самоубийств среди молодежи и размышлял над их причинами. В декабрьском выпуске «Дневника писателя за 1876 год» этой проблеме посвящены несколько главок. В главке «Голословные утверждения» он выводит следующую «формулу логического самоубийцы»: «Веры в бессмертие для него не существует <...> Мало-помалу мыслью о своей бесцельности и ненавистью к безгласию окружающей косности он доходит до неминуемого убеждения в совершенной нелепости существования человеческого на земле. Для него становится ясно как солнце, что *согласиться* жить могут лишь те из людей, которые похожи на низших животных и ближе подходят под их тип по малому развитию своего сознания и по силе развития чисто плотских потребностей» (24, 47). В главке «Кое-что о молодежи», отвечая на письма своих корреспондентов, Достоевский повторяет свое предположение, что в большинстве случаев молодые самоубийцы «покончили с собой из-за одной и той же духовной болезни — от отсутствия высшей идеи существования в душе их <...> Этаким застрелится именно с виду *не из чего*, а между тем непременно от тоски, хотя и бессознательной, по высшему смыслу жизни, не найденному им нигде» (24, 50).

Предположение, что Смешной человек намеревался покончить жизнь самоубийством из-за отсутствия «высшей идеи существования», подтверждается финалом рассказа, когда эту идею он обрел. О духовно-нравственном преображении героя свидетельствует его стремительная эволюция: в начале рассказа он, по собственному определению, «современный русский прогрессист и гнусный петербуржец» (25, 113), а в конце рассказа — юродивый, проповедующий идеи любви и братства.

Оригинальное истолкование определения «смешной человек» дал Р. Л. Джексон, сравнивший героя Достоевского с Дон-Кихотом: «То, что смешно и фантастично в смешном человеке, то, что помещает его после Дон-Кихота — это его стремление к идеалу в полном признании невозможности достичь его на земле. Смешной человек по-своему воплощает мировоззрение Достоевского и Сервантеса»¹². По мнению ученого, Смешной человек «стоит на пороге христианской веры»¹³.

В избранном Достоевским жанре «фантастического рассказа» искусно переплетаются два мира: реальный и иной, нам неведомый, загадочный мир, который может таинственно воздействовать на судьбу человека.

Искусству фантастического Достоевский учился у Пушкина. Он писал своей корреспондентке Ю. Ф. Абаза 15 июня 1880 г.: «Фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкасаться с реальностью, что Вы должны *почти* поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал “Пиковую

¹² Джексон Р. Л. Искусство Достоевского: бреды и ноктюрны. М., 1998. С. 219.

¹³ Там же. С. 217.

даму” — верх искусства фантастического. И Вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов <...> Вот это искусство!» (30₁, 192).

Аналогичную ситуацию наблюдаем в рассказе Достоевского. Сон о «золотом веке», открывший герою «живой образ Истины» и коренным образом изменивший его жизнь, Смешной человек склонен воспринимать как реальность иного мира, как откровение, данное ему свыше: «...я видел Истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над верою-то моей и смеются. Но как мне не веровать: я видел Истину <...> и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целости, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей» (25, 118).

О христианском характере проповеди Смешного человека в финале рассказа свидетельствует прямая отсылка героя к Новому Завету: «Главное — люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. А между тем ведь это только старая Истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!» (25, 119). Речь идет о второй из двух главных заповедей, сформулированных Христом (любовь к Богу и любовь к ближнему): «...возлюби ближнего твоего, как самого себя...» (Мк. 12: 31).

В рассказе нет прямых упоминаний Христа, но он несомненно присутствует в подтексте. Доказательством может служить слово «истина», к которому нередко обращается Смешной человек после увиденного или пророческого сна. В Евангелии Христос и Истина отождествляются. Особенно важно свидетельство самого Христа. «Иисус сказал ему (Фоме. — *Н. Б.*): “Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня”» (Ин. 14: 6)¹⁴.

Н. А. Тарасова в статье «Значение заглавной буквы в наборной рукописи “Сна смешного человека”»¹⁵ проследила написание Достоевским слова «истина». Оказалось, что в тех случаях, когда речь идет о высшей, Божественной истине, слово это пишется с заглавной буквы. «Герой Достоевского, — полагает исследовательница, — приходит именно к христианской истине веры, сострадания, смирения, деятельной любви и духовной проповеди — и в этом случае форма написания слова с заглавной буквы, несомненно, имеет значение <...> Истина

¹⁴ В черновых материалах к роману «Братья Карамазовы» есть запись о том, что Христос, вновь пришедший на землю, простил бы «Пилата высокоумного, об истине думавшего, ибо не ведал, что творил. Что есть истина? А она-то стояла пред ним, сама Истина» (15, 249). Здесь Христос и Истина отождествляются.

¹⁵ Русская литература. 2007. № 1. С. 153–165.

и Христос в рассказе “Сон смешного человека” соединяются в органическое целое»¹⁶.

В свете вышеизложенного особое значение приобретает признание героя, что он намеревался скрыть, что «развратил их всех». «Но Истина шепнула мне, что я лгу, и охранила меня и направила» (25, 118). «Истина» в данном случае — это, очевидно, голос Бога в душе героя («не лжесвидетельствуй!»).

Упомяну еще об одной загадке «Сна смешного человека». В финале рассказа герой, обретший цель и смысл жизни в проповеди христианской заповеди о любви к ближнему как пути к братскому единению и согласию людей, признаётся, что сомневается в возможности земного рая: «Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я знаю!) — ну, а я все-таки буду проповедовать» (25, 118–119)¹⁷.

Однако Смешной человек не отказывается от избранной им миссии («И пойду! И пойду!» — 25, 119). Почему? Ответ на этот вопрос, как я думаю, можно найти в романе «Братья Карамазовы»: от «Сна смешного человека» — прямой путь к великому последнему роману писателя. Приведу некоторые суждения Таинственного посетителя из его беседы с молодым Зосимой, будущим старцем.

«Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше чем не сделаться в самом деле всякому братом, не наступит братства. Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумеют безобидно разделить в собственности своей и в правах своих. Всё будет для каждого мало, и всё будут роптать, завидовать и истреблять друг друга» (14, 275).

Братство на земле наступит только тогда, когда закончится период «человеческого уединения», господствующий в настоящее время. Уединение состоит в том, что «всякий-то теперь стремится отделить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит из всех его усилий вместо полноты жизни лишь

¹⁶ Там же. С. 161. Н. А. Тарасова отмечает разницей в написании концепта «истина» в публикациях рассказа Достоевского. Когда «истина» — синоним «правды», правомерно написание со строчной буквы. В публикуемой статье учтены результаты изучения текста наборной рукописи рассказа.

¹⁷ Достоевский в упоминавшейся выше черновой записи — исповеди от 10 апреля 1864 г. по поводу смерти М. Д. Достоевской также выразил сомнение в возможности реализации этой заповеди: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек <...> Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил *любовью* в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом» (20, 172, 175). Путь русского прогресса Достоевский связывал прежде всего с программой духовно-нравственного возрождения человека, общества, нации (ср. в Речи о Пушкине: «Были бы братья — будет и братство. Если нет братьев, то никаким учреждением не получишь братство» (26, 167)). Христианское братство он проповедовал как идеал.

полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение» (14, 275).

Однако, как полагает Таинственный посетитель, придет конец «сему страшному уединению», а пока этот срок еще не пришел, «надо все-таки, знамя беречь и нет-нет, а хоть единично вдруг пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения хотя бы даже и в чине юродивого, чтобы не умирала великая мысль» (14, 275–276; курсив мой. — Н. Б.).

Подобный духовный «подвиг братолюбивого общения», «чтобы не умирала великая мысль» о любви к ближнему и идеале братства, осуществляют в романе «Братья Карамазовы» молодой Зосима, отказавшийся от поединка и попросивший прощения у своего денщика, его рано умерший брат Маркел и Таинственный посетитель. К такому же духовному подвигу — и во имя того же идеала любви и братства — уже «в чине юродивого» приступает Смешной человек.

Библиографический список

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972. С. 251–263.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1990.

Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...» К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012.

Джексон Р. Л. Смешной человек — после Дон-Кихота // Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. С. 209–220.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 5. СПб., 2016.

Евлампиев И. И. Философия человека в творчестве Достоевского. СПб., 2012.

Катасонов В. Н. Религиозные аспекты рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Достоевский и мировая культура. М., 2013. Т. 30₁. С. 191–216.

Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.

Николаюк Н. Библейское слово в нашей жизни. СПб., 1998.

Степанян К. А. Загадки «Сна смешного человека» // Достоевский и мировая культура. СПб., 2014. № 332. С. 63–83.

Тарасова Н. А. Значение заглавной буквы в наборной рукописи «Сна смешного человека» // Русская литература. 2007. № 1. С. 153–165.

Туниманов В. А. Комментарий к «Сну смешного человека» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 396–408.

Budanova N. F.

“May the great idea not die” (*The Dream of a ridiculous man*)

Key words: *The Dream of the ridiculous man*, utopia and dystopia, the underground man, “underground”, “the Golden age”, religious-ethical ideal, Jesus Christ, Christian brotherhood, Don Quixote, god’s fool.

In the article there are attempts to identify the “Christian spirit” of the Dostoevsky’s *The Dream of a ridiculous man* in the context of the literary life of the writer in 1860–1870-s and the ideal of Christian brotherhood formed in his other works. Special attention is given to the critique of the image of the Ridiculous man in the story, who was treated in some investigations as the “new Christ”, the false Christ or even Antichrist.

References

- Bahtin M. M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo*. 3rd ed. Moscow, 1972. P. 251–263.
- Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta*. Moscow, 1990.
- Budanova N. F. “*Isvet vo t’me svetit...*” *K karakteristike mirovozzrenija i tvorcestva pozdnego Dostoevskogo*. Saint Petersburg, 2012.
- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij*: In 30 vols. Leningrad, 1972–1990.
- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij*: In 35 vols. 2nd ed. Vol. 5. Saint Petersburg, 2016.
- Evlampiev I. I. *Filosofija cheloveka v tvorcestve Dostoevskogo*. Saint Petersburg, 2012.
- Jackson R. L. Smeshnoj chelovek — posle Don-Kihota. *Jackson R. L. Iskusstvo Dostoevskogo. Bredy i noktjurny*. Moscow, 1998. P. 209–220.
- Katasonov V. N. Religioznye aspekty rasskaza F. M. Dostoevskogo “Son smeshnogo cheloveka”. *Dostoevskij i mirovaja kul’tura*. Moscow, 2013. N 301. P. 191–216.
- Mochul’skij K. V. *Gogol’. Solov’ev. Dostoevskij*. Moscow, 1995.
- Nikolajuk N. *Biblejskoe slovo v nashej zhizni*. Saint Petersburg, 1998.
- Stepanjan K. A. Zagadki “Sna smeshnogo cheloveka”. *Dostoevskij i mirovaja kul’tura*. Saint Petersburg, 2014. N 332. P. 63–83.
- Tarasova N. A. Znachenie zaglavnoj bukvy v nabornoj rukopisi “Sna smeshnogo cheloveka”. *Russkaja literatura*. 2007. N 1. P. 153–165.
- Tunimanov V. A. Kommentarij k “Snu smeshnogo cheloveka”. *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch.* Vol. 25. P. 396–408.